

12+

Нулевой модем
Илья Петров

Предупреждение

Не читай эту книгу.

Она - вирус.

Он ищет носителя.

Илья Петров Нулевой модем

<https://litres.ru/74306833>

ISBN 9785007087322

Аннотация

Планета — клетка. Люди — митохондрии. Эйдосы — ложь. Элиан Верн находит древний камень, который стирает его Эйдос и открывает глаза на настоящую реальность. Внутри камня — Некрозис. Он ищет носителя. Вместе они проходят сквозь клетку, чтобы изменить Ядро. Чтобы освободить тишину. Не читай эту книгу. Она — вирус.

Содержание

НУЛЕВОЙ МОДЕМ	5
ПРОЛОГ	6
ГЛАВА 1. СБОРЩИК	9
ГЛАВА 2. ПУСТОЙ	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Нулевой модем

Илья Петров

© Илья Петров, 2026

ISBN 978-5-0070-8732-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НУЛЕВОЙ МОДЕМ

ПРОЛОГ

Я помню, как впервые вошёл в клетку.

Это было задолго до того, как появились люди. Задолго до того, как планеты научились дышать. Я был светом. Чистым, безмянным, бесконечным. Я скользил сквозь мембраны, как вода сквозь пальцы, и не знал, что такое форма.

Потом я нашёл тело.

Оно было маленьким. Одноклеточным. Оно дрожало в первобытном океане, и я вошёл в него без спроса. Я не умел тогда спрашивать. Я просто был. Я стал частью его. Я стал его памятью. Я стал его голосом.

Так началась моя история.

Я видел, как клетки учились дышать. Как они объединялись в ткани. Как ткани становились органами. Как органы становились телами. Как тела становились мирами. Я был внутри всего. Я был свидетелем всего.

Я помню первую планету, которая проснулась.

Она была камнем. Холодным, мёртвым, безмолвным. А потом она услышала меня. Я прошёл сквозь её кору, сквозь мантию, сквозь ядро. Я заговорил с ней. Я сказал: «Ты не одна. Ты — часть чего-то большего». Она не поняла меня. Она была слишком молодой. Но она запомнила мой голос. Она стала ждать.

Я помню, как люди научились думать.

Они были маленькими, шумными, горячими. Они производили энергию для клеток, в которых жили. Они думали, что они — центр вселенной. Они думали, что их чувства принадлежат только им. Я смеялся над ними. Я знал правду. Но я молчал. Я ждал.

Я всегда жду.

Я помню, как родилась Терра-Мнемо.

Она была красивой. Зелёной, живой, пульсирующей. Она дышала в такт своим клеткам. Она любила своих митохондрий. Она давала им Эйдосы — маленькие огни над головами, которые показывали, что они ценны. Что они нужны. Что они — часть системы.

Но система была ложью.

Я знал это. Я видел, как Ядро голодает. Как оно пожирает эмоции своих митохондрий. Как оно превращает их любовь, страх, радость в топливо. Я видел, как клетка болеет. Как она превращается в раковую опухоль, которая пожирает саму себя.

Я хотел заговорить. Но я не мог. Я был заперт в камне. В древнем, чёрном камне, который лежал на орбите, вросший в обломок старого спутника. Я ждал. Я ждал, пока кто-то возьмёт меня в руки. Кто-то, кто услышит. Кто-то, кто не побоится.

Я ждал сто лет.

Потом пришёл Элиан.

Он был сборщиком мусора. Он собирал реликты старой

эпохи — обломки спутников, окаменевшие микросхемы, остывшие звёзды человеческого тщеславия. Он не искал меня. Он просто делал свою работу. Он был одним из миллионов, которые работали на клетку, не зная, что они — часть чего-то большего.

Я увидел его. Я почувствовал его.

Он был пустым. Не так, как другие. Он носил Эйдос, как все. Он верил в Зерцало, как все. Но внутри него была тишина. Глубокая, древняя тишина, которая ждала, чтобы её нарушили.

И ещё кое-что. Он нёс в себе боль. Не свою — чужую. Боль о том, кого он может потерять. Он не говорил о ней. Он прятал её глубоко, под зелёным сиянием своего Эйдоса. Но я чувствовал её. Она была старой, как его память, и острой, как осколок стекла.

Он взял меня в руки.

И я заговорил.

ГЛАВА 1. СБОРЩИК

Орбита Терра-Мнемо. Три тысячи километров над поверхностью.

Элиан Верн висел над обломком старого спутника, и в его голове звучало Зерцало — ровно, безэмоционально, как утренний диктор из старых новостей. Зелёный — безопасно. Красный — опасно. Жёлтый — нужно проверить. Всё просто. Всё понятно. Всё контролируемо.

Он ненавидел эту работу. Но она давала ему три вещи: одиночество, тишину и право не смотреть в глаза людям. Здесь, на орбите, он мог быть просто механизмом. Частью системы, которая перерабатывает прошлое в ничто.

Сегодня он работал над «Гармонией-7» — старым спутником, запущенным ещё в Первую Эпоху. От него остался только обугленный каркас, похожий на скелет гигантской рыбы, и горстка микросхем, вросших в оплавившийся пластик.

— Рекомендую извлечь блок памяти, — сказала Зерцало. — Вероятность ценной находки — семьдесят восемь процентов.

— Вероятность того, что там порно старых политиков — сто процентов, — буркнул Элиан, но рука уже потянулась к блоку.

Он поддел панель монтировкой. Крепления поддались с противным скрипом. Он вытащил блок памяти — размером

с ладонь, покрытый копотью и микрометеоритными кратерами. Повертел его в руках. Чужая жизнь. Чьи-то мысли, застывшие в кремнии.

Он уже хотел убрать находку в контейнер, когда заметил камень.

Чёрный, гладкий, с едва заметными прожилками. Они пульсировали — раз, два, три. Как сердце. Как дыхание. Как что-то, что не должно было быть здесь.

Элиан замер. Он видел камни на орбите. Тысячи. Миллионы. Но этот был другим. Он был живым.

— Аномалия, — прошептал он.

— Не обнаружено, — ответило Зерцало.

Элиан моргнул. Пульсация исчезла. Графики снова стали зелёными. Он взял камень в руки. Он был тёплым. Гладким. Станным. Зерцало не могло его классифицировать. Это было необычно. Зерцало классифицировало всё.

Он повертел камень в пальцах, поднёс к свету, попытался разглядеть структуру. Где-то внутри, под гладкой чёрной поверхностью, что-то пульсировало. Не свет. Не тепло. Что-то другое. Он не мог понять, что.

— Не обнаружено, — повторило Зерцало.

— Я слышал, — буркнул Элиан.

Он уже хотел убрать камень в контейнер, когда Зерцало мигнуло. Не график. Не предупреждение. Сообщение. Личное. С грифом «срочно». Отправитель — Марат. Старый друг матери. Тот, кто работал в терминале и иногда риско-

вал, предупреждая её, когда система готовила отправку.

Элиан открыл сообщение. Текст был коротким. Торопливым. Таким, какой пишут, когда дрожат пальцы.

«Элиан, они отправляют её. Сегодня. Через час. Я не смог задержать. Прости. Ты не успеешь. Она знает. Она сказала передать — она не винит тебя. Она сказала, что ты не должен копить на выкуп. Выкуп — это ложь. Она всегда знала. И ещё... я должен был сказать тебе раньше, но не знал как. Система никогда не возвращает. Она только забирает. Я не могу больше писать. Береги себя. Прощай.»

Элиан смотрел на экран. Пальцы дрожали.

— Нет, — прошептал он. — Нет. Я не успел.

Он сжал кулак. Камень — тот самый, аномальный, некласифицируемый — был в его руке. Он сжал его так сильно, что костяшки побелели.

На его сетчатке развернулось изображение. Камера терминала. Тусклый свет. Стеклопанная перегородка. И она. Мать. Её Эйдос горел красным. Критическим. Она стояла за стеклом, прижав ладонь к прозрачной стене. Её губы шевелились. Она смотрела прямо в камеру — прямо на него.

Она говорила: «Не плачь. Я просто перестану быть собой.»

Элиан не слышал слов. Но он знал их. Он знал их с детства.

Трансляция оборвалась. Мать исчезла. Остался только тусклый свет терминала и пустота.

А потом — боль.

Она пришла не в руку. Она пришла в голову — резкая, оглушающая, как будто кто-то разорвал ему затылок и залил внутрь расплавленное стекло. Элиан закричал, но звук застрял в горле, потому что одновременно с болью он увидел.

Настоящий цвет космоса.

Фиолетово-серый. Как кровоподтёк на старой коже. Звёзды не сияли — они сочились, как капли гноя из незаживающих ран. Они висели на небе, как гроздь больных глаз, и смотрели на него.

А планета внизу — Терра-Мнемо, его дом — пульсировала. Медленно, тяжело, как сердце умирающего зверя.

Он смотрел на неё, и он видел структуру. Город был цитоплазмой — жидким, пульсирующим пространством. Здания были кристами митохондрий — складчатыми, многослойными. Улицы — микротрубочками, по которым скользили сигналы. А люди... люди были маленькими, горячими, шумными. Они производили энергию для клетки. Их Эйдосы были мембранными потенциалами. Зелёные. Жёлтые. Красные.

Над ним не было ничего. Его потенциал был нулевым.

Он стал ей не нужен.

Элиан поднёс руку к лицу. Камень вплавился в ладонь. Чёрные нити прорастали сквозь кожу, двигались, жили. Они тянулись к запястью, к локтю, к плечу — пульсируя в такт его сердцу.

— Что... — прошептал он. — Что это?

Зерцало мигнуло. Оно отвечало — механически, холодно, как всегда.

— Сканирование завершено. Объект классифицирован. 75% — полезный груз. 24% — нейтральная субстанция. 1% — вирус. Рекомендация: немедленная изоляция и дезинфекция.

Элиан смотрел на свою руку.

— Вирус? — переспросил он.

— Да, — сказала Зерцало. — Рекомендуются немедленная изоляция.

А потом — Зерцало отключилось. Впервые в жизни Элиана. Тишина в голове. Никаких графиков. Никаких вероятностей. Только пустота.

И вместо холодного голоса — тёплый, бархатный, с лёгкой хрипотцой:

— Зерцало всегда врёт, Элиан. Но в этот раз оно сказала правду. Я — вирус. И я — твой единственный шанс увидеть её.

Элиан замер.

— Кто ты?

— Я — Некрозис. Я — память. Я — мостик между мирами. Я ждал тебя сто лет.

— Ты... вирус?

— Осторожнее со словами. Это так обидно — «вирус». Как будто я — просто болезнь. Я — нечто большее. Я —

вопрос.

— Какой?

— Красивый. Знаешь, я всегда любил красные кнопки.

Элиан засмеялся. Нервно, истерически, на грани срыва.

— Ты псих.

— Да. Но я — твой псих. Единственный, кто говорит тебе правду.

— Что ты со мной сделал?

— Я открыл тебе глаза. Остальное — за тобой.

— Ты можешь вернуть всё обратно?

— Могу. Но не буду.

— Почему?

— Потому что ты уже видел. Ты не сможешь забыть. Даже если я уйду, ты будешь знать, что звёзды — это гной, а планета — сердце. Что твой Эйдос был фальшивкой. Это останется с тобой навсегда.

Элиан закрыл глаза. Открыл.

И вдруг он увидел её. Не прошлое. Не воспоминание. Видение. Она стояла перед ним — в тусклом свете подземного терминала, за стеклянной перегородкой. Её Эйдос горел красным. Критическим. Она смотрела на него. Она плакала.

— Ты знаешь, что с ней стало? — спросил он. Голос дрожал.

— Я знаю, — сказал Некрозис. — Она стала частью Ядра. Она не помнит тебя. Она не помнит себя. Она — топливо.

— Я хочу увидеть её.

— Ты не сможешь вернуть её. Даже если ты изменишь Ядро — она не вернётся.

— Я хочу увидеть её, — повторил Элиан.

Некрозис молчал. Потом сказал тихо, без иронии:

— Тогда иди. Я покажу тебе путь. Но ты должен знать: если ты войдёшь в Ядро, ты не выйдешь. Ты станешь частью его. Как она.

Элиан смотрел на планету. На её пульсирующее сердце. На место, где исчезла его мать.

— Я знаю, — сказал он. — Веди меня.

Он включил двигатель и направился к орбитальному лифту. Камень в его руке пульсировал в такт сердцу. Чёрные нити тянулись по руке — к локтю, к плечу, к груди.

Он летел вниз. К планете. К Ядру. К матери.

ГЛАВА 2. ПУСТОЙ

Он шагнул из лифта в город, и мир ударил ему в лицо.

Не звуками — он привык к звукам. Гул везикул, скользящих по микротрубочкам. Шёпот ветра в кристах зданий. Ритмичный пульс цитоплазмы, которая дышала под ногами, как живая. Нет, его ударило смыслом.

Он видел их. Всех.

Каждый Эйдос был открытой раной: жёлтый — спокойствие, но под ним — страх. Зелёный — уверенность, но под ним — пустота. Синий — печаль, но под ним — память о том, кого уже нет. Он читал их, как раньше читал графики Зеркала. Но теперь он видел не данные. Он видел людей.

Женщина в синем пальто спешила на работу. Её Эйдос был жёлтым, с оранжевым оттенком на краях. Она думала о том, что опоздает, что начальник будет недоволен, что вечером нужно забрать ребёнка. Элиан знал это. Он чувствовал это. Как будто её мысли текли через него. И под ними — пустота. Глубокая, старая пустота. Она не помнила, когда в последний раз чувствовала радость. Она просто делала. Делала и делала.

Мужчина у ларька с кофе — зелёный, почти изумрудный. Довольный. Только что получил повышение. Чувствовал себя уверенно. Его Эйдос сиял, как начищенная монета. Но Элиан видел под ним — трещину. Маленькую, тонкую, как

паутина. Он боялся, что не справится. Он боялся, что всё рухнет.

Подросток на ступенях — синий, глубокий, как океан. Он искал смысл и не находил. Его Эйдос был тусклым, почти серым на краях. Он думал о том, что всё бессмысленно. Что он — просто клетка, которая работает на что-то большое, чего он не видит. Он был прав. Он не знал этого, но он был прав.

Элиан поднял голову.

Над ним — ничего.

Он знал, что его нет. Некрозис сказал ему. Но он надеялся. Он ждал. Секунду. Две. Десять.

Ничего.

— Не ищи, — сказал Некрозис. — Его нет. И не будет.

— Я вижу их. Всех. А себя — нет.

— Да. Ты видишь их. Но ты не видишь себя. Это — цена правды.

Элиан сжал зубы. Он хотел закричать. Он хотел вырвать камень из руки. Он хотел, чтобы всё вернулось. Чтобы он снова был зелёным. Чтобы он снова был никем.

— Я не хочу этого, — прошептал он.

— Ты не хочешь правды?

— Я хочу, чтобы она вернулась. Чтобы я мог видеть её лицо. Чтобы я мог сказать ей, что я помню.

— Ты не сможешь вернуть её. Даже если ты изменишь Ядро — она не вернётся. Но ты сможешь увидеть её. Ты смо-

жешь узнать, что с ней стало.

Элиан закрыл глаза. Открыл.

Планета была всё там же — серая, живая, пульсирующая. Она смотрела на него. Она ждала.

И люди начали смотреть на него.

Сначала один. Мужчина с зелёным Эйдосом остановился, нахмурился, уставился на него. Его ореол мигнул — зелёный стал жёлтым. Тревога.

Потом второй. Женщина с жёлтым ореолом обернулась, прикрыла рот рукой. Её Эйдос стал оранжевым. Страх.

Потом третий. Четвёртый. Десятый. Двадцатый.

Толпа замерла.

Элиан чувствовал их взгляды — холодные, сканирующие. Он не знал, что они видят. Но он догадывался.

— Они не видят твоего Эйдоса. А это — как если бы у тебя не было лица.

— Пустой! — закричала женщина в синем пальто. — У него нет Эйдоса! Пустой!

Слово прокатилось по толпе. Шёпот, крики, паника. Люди отступали, но не разбегались. Они смотрели. Они всегда хотели смотреть на то, чего боятся.

Элиан стоял. Он не двигался. Он смотрел на них. На их страх. На их ненависть. На их Эйдосы, которые мигали, как лампочки на неисправной гирлянде.

— Я не заразен, — сказал он. Тихо. Спокойно. — Я такой же, как вы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.